

Сколько раз их критиковали по отдельности и вместе — Госкино и Союз кинематографистов, сколько журналистских чернил на них извели, сколько стрел и копий о них затупили! Сколько всего должно было случиться, чтобы встретились они вот здесь, в Голубом зале редакции... Камшалов волнуется: «Двадцать лет в «Комсомолке» не был — возвращаюсь в молодость». Климов с любопытством исследует читательские телеграммы. А помощники раскрывают папки и «дипломаты» и раскладывают на длинных редакционных столах «пасьянсы» исчерывающей информации... Телефоны звонят вовсю.

— Товарищи, двенадцать! И «Прямая линия» началась... * * *

— Я — Соколов Владимир Константинович.

— Камшалов слушает вас.

— Здравствуйте, Александр Иванович! Пойдете ли в прокате «Ностальгия» Тарковского?

— Да.

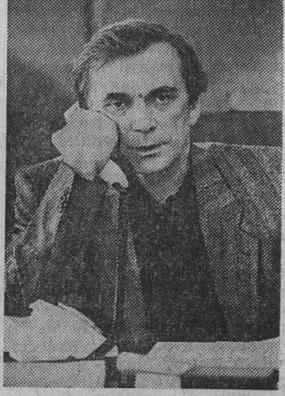
— Спасибо, А «Жертвоприношение»?

— Просим шведов продать его нам. Если согласятся — покажем.

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

А КАК В КИНО?

На вопросы читателей «Комсомольской правды» отвечают председатель Госкино СССР А. И. КАМШАЛОВ и первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Э. Г. КЛИМОВ

— Беспокоит Малыгин, прожигая в Москве на улице Загоренная, 14. Рядом строится киноцентр — что он будет собой представлять, Элем Германович?

— Окончательный пуск киноцентра намечен на начало следующего года. Восемь кинозалов, музей, видеотека, киновыставки, лектории, встречи со зрителем, бюро пропаганды, база для работы наших кинематографов, критиков, режиссеров и много всякого очень нужного еще.

— Вопрос Камшалову. Будут ли идти в прокате фильмы Анджелы Байды?

— Вероятно, будут. Сейчас мы восстанавливаем те его фильмы, что уже были в прокате, и ведем переговоры о закупке нового фильма.

— А как скажете то, что он снял антисоветский фильм «Человек из железа»?

— Вы его видели?

— Нет, конечно.

— Я видел, он не антисоветский.

— Здравствуйте, звонит Юргелевич, литератор. Почему режиссеры, особенно в последние годы, очень часто становятся соавторами сценариев? Я с Климовым говорю?

— Да. Я считаю, что в большинстве случаев режиссер не имеет права быть соавтором сценария. За исключением так называемого авторского кинематографа. Часто сценарист не может пробить свой сценарий и ищет для этого режиссера, который говорит иной раз даже прямо: буду соавтором — буду ставить. Это, конечно, насильно, это недобросовестный режиссерский прибор, который не должен иметь место.

— У меня вопрос к Камшалову. Я из Тулы. Скажите, почему невозможно посмотреть ни «Покаяние», ни «Легко ли быть молодым»?

— В настоящее время «Покаяние» демонстрируется только в Москве, в 17 кинотеатрах, и его уже посмотрело почти 3 миллиона человек. Совсем скоро он пойдет по стране, будет изготовлено более тысячи его копий.

Фильм Подняксы был в Москве только в одной копии, но всего их будет 670, и он широко пойдет по всей стране.

Кроме того, этот фильм, как и «Покаяние», вызывает большой интерес за рубежом, и мы направили их для участия в Каннском кинофестивале.

— Здравствуйте, Александр Иванович. Я военнослужащий. Вот у нас шли «Тутси», «Вабани»... Они сначала шли как фестивальные фильмы, а потом в прокате. Но зачем их режур, укорачивают?

— Я против редактирования картин, которые мы покупаем, и против смены их названия. Лучше вообще не покупать, если они нуждаются в купюрах. Принимаю это как критическое замечание.

— Еще вопрос.

— Пожалуйста.

— Как изменятся московские кинофестивали?

— Главная наша задача — поднять их престиж. А для этого в фестивале должны участвовать самые талантливые фильмы и компетентные жюри. Созданы две отборочные комиссии под руководством критиков, секретарей правления союза Демина и Плахова.

— И последний вопрос: до каких пор у нас будут появляться фильмы типа «Тайны мадам Бон»?

— А вот это — основная наша задача, и Госкино, и Союз. Прежде талантливым людям у нас не везло, потому что существовала очередь на постановку, в которой одиноково стояли и талантливые, и «серый» режиссеры. Новая модель кинематографа базируется на принципе «дать дорогу таланту».

— Элем Германович, а почему нет экранизации «Момент истины» Богомолова? Меня зовут Валерий Викторович, из Москвы.

— Была попытка снять эту картину.

— Я знаю.

— Но автор решил, что работа идет не в том направлении, и остановил ее путем судебного конфликта. Режиссеры больше за нее не берутся, видимо, напуганы.

— Да, потому что привык к расчету конструкций, получил представление о том, что целое состоит из деталей и их сочленении, о сопротивлении материалов...

— Спасибо большое... Колесников из Киева. Не боитесь ли вы, Элем Германович, что хозрасчетный кинематограф вызовет к жизни большой поток коммерческих фильмов, не имеющих ничего общего с искусством?

— Мы продумываем весь механизм, абсолютно весь, который защитит кинематографа от коммерциализации. Подробностей много, но буду их сейчас рассказывать. Но часто искусство и коммерция не исключают друг друга. Личный пример: снимаю «Иди и смотри», мы понимаем, что эту картину будут мало смотреть, она тяжелая. И вдруг за три месяца почти 30 миллионов! Это очень много.

— Спасибо, успеха вам.

— Роман Быков необыкновенно талантливый человек. Почему он до сих пор не имеет звания «народный»?

— Согласен. Все необходимые документы уже отправлены.

— Иванцова из Бак. Вы мой самый любимый режиссер. Вам не мешает должность снимать?

— Мешает. Мы работаем с утра до ночи, без выходных, уже десять месяцев. Но я понимаю, что внутренне погибну, если не буду снимать.

— А планы есть?

— Конечно. Мы с братом — он сценарист — начали писать сценарий.

— О чем?

— Не могу сказать, пока секрет.

— Здравствуйте, это Камшалов?

— Да.

— Меня зовут Евгений Витальевич, живу в Украине. Вот у нас в Госкино ни председателя, ни его четыре зама, ни главный редактор не имеют кинематографического образования. Может быть, из-за этого создались такие условия, при которых профессионалы отторгаются от системы, именуемой кинематографом?

— Отвечу, что многое в этом направлении мы сейчас меняем. Например, на «Азербайджанфильме» избран директором драматург, на ЦСДФ назначен режиссер. Каждый коллектив должен выбрать себе руководителя самостоятельно.

— А структуру Госкино это затрагивает?

— Затронет. Сейчас у нас вводится перестройка.

— А вы по образованию кинематографист?

— Историк. Окончил Московский университет.

— А как попали в кино?

— Семнадцать лет работал заведующим сектором кинематографии отдела культуры ЦК КПСС.

— А до этого?

— Был секретарем ЦК ВЛКСМ по вопросам идеологии и культуры.

— Александр Иванович, вас беспокоит Виктор Семенович из Уфы. А как у нас дела с видео?

— Положение с видео сложилось сложное, но не бесперспективное: в три раза в этом году увеличивается выпуск видеомагнитофонов, а через три года их будет выпущено четыреста тысяч. Правда, качество их пока не в полной мере удовлетворяет потребителя. В Госкино создана база по тиражированию видеокассет мощностью пятьсот тысяч штук в год. А вот заявок на этот год меньше, только 220 тысяч.

В стране сейчас 70 видео-тек и видеозалов. Это очень мало. В этом году открываем еще сто двадцать и в следующем — восемьсот. Стоимость проката кассеты там

высокая — до 5 рублей. Но скоро на чистую видеокассету цена, возможно, снизится, и это даст нам возможность снизить и цену проката.

В наших действующих видеозалах сейчас 784 программы, но оригинальных видеопленок создано только три, в этом году их выпустим десять и двадцать девять документальных, научно-популярных, создадим пять видеосериалов в течение всего двух лет. Пока, к сожалению, 90 процентов видеокассет покупаем в Индии, а 10 — в Японии. Скоро будем производить свои.

— Добрый день. Я бывший студент ВГИКа Михаил Соболев. У меня вопрос к Климову и Камшалову.

— Камшалов слушает вас.

— Я был участником октябрьской конференции во ВГИКе, там положение сейчас тревожное. «Комсомолка», «Юность» и другие писали об этом, но этого мало, студенты писали письмо Климову, они недовольны уровнем основной части профессорско-преподавательского состава. Организация

учебного процесса не выдерживает никакой критики... В общем, вы можете комментировать о судьбе ВГИКа?

— Проблема эта волнует нас всех. Замечания по поводу преподавательского состава справедливые, хотя, наверное, здесь не без перегибов и студенческого максимализма. Главный вопрос о ректоре ВГИКа. Он пока не решен, хотя и были выборы, которые я считаю не вполне демократичными, так как была выставлена одна кандидатура, в значительной степени не учитывалось мнение студенческого коллектива, который на ученом совете представлял всего трое. Не готов сказать сейчас, будут ли новые выборы или перевыборы.

Элем Климов: — В борьбе, происходящей во ВГИКе, важно, не кто выиграл, кто проиграл. Важно, выиграло ли дело, ВГИК — дело далеко не частное, это важнейшее, первое звено кинопроцесса, отсюда начинается все. Глубокие, принципиальные изменения во ВГИКе мы ждем давно и прежде всего в самом коллективе. И тревожно, когда этот коллектив стремится болро рапортовать, что он на верном пути к радикальной перестройке. Хорошо, что там есть люди, понимающие фальшивость такого подхода, особенно остро чувствует студенчество. Здесь мы имеем случаи, когда преобладающие сейчас во ВГИКе консервативные силы, прикрываясь демократичными нормами, широко внедряемой выборной системой, пытаются сохранить статус-кво, перекрыть дорогу подлинным изменениям. Это — профанация демократии.

В выборах во ВГИКе должно принимать участие либо все студенчество, либо их, выборов, не должно быть, т. е. тот профессорско-преподавательский состав, который там за много лет сложился, за редким исключением, не может быть объективным.

ВГИК — одно из ключевых звеньев нашей перестройки, и поражение здесь поставит под большую угрозу перестройку в кинематографе вообще.

— Юрий Кушин, Москва. Почему так мало наших, а особенно зарубежных фильмов показывает ЦТ?

— Отвечает вам Камшалов. Вообще-то вопрос этот к Гостелерадио. Что касается нас, то мы покупаем картины за рубежом без права показа их по телевидению. Советские фильмы мы передаем на ТВ через полгода-год после того, как они вышли, по их выбору. Раньше этот срок был больше — два-три года. Со своей стороны, мы будем делать все, чтобы предлагать самое интересное.

— Спасибо.

— Александр Кленов, живу в Москве, студент журфака. Когда на экраны выйдет фильм «Комиссар»?

— Мы рекомендовали фильм к выпуску и послали нашу рекомендацию в Госкино. Сейчас мы соединим вас с Камшаловым, он ответит, что они собираются делать.

— Камшалов слушает.

— Я бы хотел узнать, когда выйдет фильм «Комиссар», о котором писали «Московские

новости», а еще раньше Евгений Евтушенко?

— Фильм этот снят в 1967 году. Сейчас рассматривается вопрос о доработке этой картины. Больше ничего ответить не могу.

— Беспокоит Малыгин Валерий, Москва. Элем Германович, вы видели «Амернку»?

— Фрагментарно, в ближайшее время увижу, так как делегация Союза кинематографистов едет в США по приглашению американцев, возмущенных этим фильмом. Тема встречи: как мы друг друга показываем в кино. Мы ведем фрагменты своих фильмов, надо разрушить стереотип или еще лучше не создавать его совсем.

— Вы против этого фильма?

— Конечно. Его можно было бы купить, но зачем? Чтобы наш народ возненавидел американский?

— Правильно.

— Уфа, Ибрагим. Почему до сих пор нет фильма о ребятах, служащих в Афганистане?

— Сейчас рассматриваем несколько сценариев, есть интересные.

— Меня зовут Евгений Григорьевич, я из Полтавы. Вот вы перестраиваетесь. А будет какой-либо контроль за перестройкой на местах, Александр Иванович?

— А в чем дело?

— Мы здесь не видим многих фильмов, которые идут по стране: «Амаркорд», например, «Успех», «Храни мейл, мой та-лиман», «Мой друг Иван Лапшин» и многих других.

— Думаю, это неправильная практика. Скоро еду в Киев, буду говорить в Госкино республике.

— Здравствуйте, меня зовут Александр, я из Пскова. Будет ли фильм Никиты Михалкова «Очи черные», который он снимает в Италии, демонстрироваться у нас?

— Как вы понимаете, это не советское, а итальянское производство, поэтому вопрос этот еще будет рассматриваться. Однако могу гарантировать, что фильм будет показан.

— Элем Германович, вас беспокоит из Риги Я председатель кинолуба. Хотелось бы узнать ваше отношение к кинолубам.

— Самое доброжелательное. У нас в союзе есть совет по кинообразованию, который занимается и клубами. Хочу, пользуясь возможностью, обратиться к ним всем с просьбой: обнаружьте себя, напишите о своем количестве, социальном составе, особенно стиха, так как мы собираемся создавать Всесоюзное общество друзей кино. Будем рассматривать вопрос о вступлении в Международную федерацию кино клубов.

— Александр Иванович, вас беспокоит Шманов Сергей, мне двадцать семь лет. Скажите, а не ждете ли некоторые сегодняшние фильмы та же судьба, что скажем, у фильма «Проверка на дорогах»?

— Вы думаете, они могут лечь на полку? Непонятен такой пессимизм в двадцать семь лет. Я сторонник того, чтобы все художественно-составительские фильмы, которые делаются, выпускались на экран.

— Нина Васильева из Ленинграда. До каких же пор в кинематографе, Элем Германович, будет процветать семейственность?

— Семейственность, знаете, ведь разного рода бывает.

— Да, бывает. Но дети авторов и режиссеров непременно становятся авторами и режиссерами, не имея подчас ни данных, ни таланта.

— Вот это безобразие.

— Но я скажу конкретнее...

— О таких случаях знаем, можете не называть. С этим мы сейчас решительно боремся, но как это нелегко!

— Камшанев Павел, Южно-Сахалинск. Я руковожу комсомольской школой. Есть проблема острых документальных фильмов, некуда даже узнать — где они выпущены и какие. Я с Камшаловым говорю?

— Да. Есть бюллетень «Новые фильмы», и все работники кинотеатров его имеют. Обратитесь с письмом в Союзинформкино в Москве или, еще проще, — в вашу контору проката, где наверняка все

А КАК В КИНО?

это лежит, но боюсь, что очень далеко.

— Галина Михайловна, Дом культуры железнодорожников, Калуга. Товарищ Климов, мы сейчас знаем, что работает конструкторская комиссия, благодаря которой вышли в свет многие хорошие фильмы. А то, что они лежали, разве это не моральное и материальное преступление конкретных людей?

— Правильно.

— А не пора ли называть их фамилии?

— Я за это, пора. Будет уроком на будущее. Времена великой анонимности кое-где еще продолжают существовать. Будем персонально спрашивать с производителей такой «политики».

— Здравствуйте, я говорю из Челябинска. Хотелось бы поговорить с товарищем Камшаловым. Я директор детского специализированного кинотеатра. Что-нибудь изменится в ближайшем времени с детскими кинотеатрами? Мы не можем исполнять своих функций, работать вместе со школой в рамках школьной реформы, т. е. работа кинотеатров идет сегодня вразрез с тем, что требует от нас школа: мало хороших фильмов, да и режим работы кинотеатра не отвечает требованиям современности...

— А кто вам мешает его изменить?

— Положение, в котором горюется, что до 16 часов сеансы детские, а после — взрослые. Я вынуждена раздвигать сеансы, чтобы провести какие-то мероприятия, теряю взрослые сеансы, не выполняю работу.

— По поводу режисера работы ответить сразу не готов, с этим разбираться, а вот фильмов будет сейчас больше. Кроме студии Горького, которая, правда, сильно отошла от детской и юношеской тематики, на «Мосфильме» создано специальное объединение, его возглавляет Роман Быков. Ждем от них многого.

— Кинооператор Красноярского филиала Свердловского киностудии Сергей Тушневич. Товарищ Камшалов, если фильм вышел, он должен идти широким экраном. А зачастую здесь, на местах, не всегда компетентные люди определяют: смотреть фильм миллионному городу или нет?

— Право определять репертуарную кинополитику в масштабах всей страны принадлежит только Госкино СССР.

— Это говорит киномеханик Хворостов. Ожидается ли, Александр Иванович, повышение зарплат работникам кинопроката и киносети?

— В этом году навряд ли. Но с 1988 года — ожидается.

— Максименко Евгений Григорьевич, Сумская область. У меня вопрос к Камшалову: предусмотрено ли в новой модели кинематографа все для того, чтобы дирекция кинотеатров и кинопроката было выгодно и подвизивать, выгодно демонстрировать высокохудожественные фильмы, а не низкосортные развлекательные?

— Да, предусмотрено, отвечаю вам твердо. А вы слушайте не на Шосткинском заводе работаете?

— Именно там.

— Тогда когда же все-таки у нас будет пленка? Мы все время дышать не можем, все планы срываются, в декабре недодали 39 миллионов метров, в этом году и того хуже, стоят заводы, сменные группы, на майский репертуар нет ни одного метра! Вы-то нам поднимите рабочий класс, должно же быть у вас чувство гордости, помогите нам. А качество!

— Согласен. Но приезжайте лучше, не все так просто.

— Я и не говорю, что просто. Всем непонятно...

...Давно уже сняты пиджаки и повешены на спинки стульев. Опустошены стаканы с чаем, тарелки с бутербродами. Время «Прямой линии» кончилось, из магнитофонов извлекаются кассеты, полные проблем, адресов, фамилий. Их десять штук — это несколько часов прямого разговора с людьми, которым близка судьба советского кино.

Отпечатанная стенограмма «Прямой линии» составила около двухсот страниц и была отправлена в Госкино СССР и в СК СССР — содержащиеся в ней материалы будут изучены, по ним будут приняты меры. В газете же мы смогли использовать лишь одну десятую часть состоявшегося разговора, но часть самую острую, самую характерную.

Провожать гостей мы вышли на улицу и слышали, как председатель Госкино СССР, приглашая коллег из Союза кинематографистов в свою машину, сказал: «Садитесь, пожалуйста, нам по дороге...»

И мы подумали: какие хорошие слова!

«Прямую линию» подготовил Ю. ГЕЙКО.